

Рафаэль Соколовский
Солженицын в Казахстане

Соколовский Рафаэль Александрович — журналист, литературовед. Родился в 1928 году в Ташкенте. Окончил Казахский государственный университет (факультет журналистики). Работал в газетах и журналах Узбекистана и Казахстана. Автор юмористических книг «Бархатный баритон», «Встреча с...» и др. Автор публикаций и литературоведческих статей о забытых русских сатириках.

«Один день Ивана Денисовича» никому не известного писателя Александра Солженицына вызвал потрясение. В повести не было ни допросов, ни истязаний арестованных, а показана будничная жизнь заключённых, нарисованная с такой исключительной достоверностью, что каждая страница, образно говоря, рвала душу. Это и понятно: мало у кого из живших тогда в стране кто-нибудь из родных, близких и друзей не побывал за колючей проволокой, и потому каждая строчка писателя воспринималась как рассказ о родных страдальцах. «Один день Ивана Денисовича» вобрал в себя лагерные годы, а его судьба — судьбы миллионов ни в чём не повинных жертв сталинского режима. А в мою жизнь эта повесть вошла не только книгой, но и жуткой явью — я видел воочию заключённых с автомобильными номерами — на шапках, на груди и спине, людей, лишённых имен и биографий...

Один день — больше чем жизнь

Сейчас не припомню, в какой из книг Александра Солженицына встретилась знакомая фамилия — Хищук («Архипелаг ГУЛАГ», т. 2, ч. 3, гл. 21 «Прилагерный мир». — *Ред.*). Не имя, а готовый художественный образ — так и просился сатирику под перо. Правда, назвал писатель его начальником стройки, хотя занимал Хищук должность главного инженера, а начальником был Каращук. Оба здоровенные, мордастые, отъевшиеся мужики — они разительно выделялись на фоне худосочных зеков, которые и вкалывали за колючей проволо-

кой на строительстве ТЭЦ, жилья и различных культурно-бытовых объектов Экибастуза. Ну, а мне-то как было не знать Хищука, если приходилось брать у него различные сведения для газеты, когда для «познания жизни» меня, молодого журналиста с дипломом Казахского госуниверситета, редактор павлодарской газеты «Большевистский путь» Вернов отправил зимой 1951 года собкором в Экибастуз, где создавалась вторая в Казахстане угольная кочегарка.

Так откуда Солженицыну стало бы известно это имя — Хищук, если б он не отбывал наказание в Экибастузе? Или, может быть, узнал, собирая материалы для своего «Архипелага ГУЛАГа»? Но почему упомянут Хищук, кто был главным инженером на строительстве Экибастуза, назван директором, а не Каращук, который являл собой здесь первое лицо (ср. у Солженицына: «в Экибастузе — Хищук и Каращук, директор и главный инженер треста. Фамилий не выдумываю!». — *Ред.*)? Скорее всего, потому, что по своей должности главного инженера Хищуку приходилось чаще бывать на объектах, чем Каращуку, правившему всеми делами из обширного кабинета. Хищук же появлялся на стройках с кавалькадой подчинённых, оценивал ход работ и давал указания, а между заключёнными шел шепоток: «Кто это?» — «Начальство! Хищук!».

Интерес к личности и жизни писателя, впервые открывшего нам запретный мир сталинских репрессий, понятен. Сам же Солженицын по лагерной привычке держал язык за зубами и не распространялся о фактах своей биографии. Так что мы долго гадали, где он отбывал лагерное наказание и последующую ссылку, как это положено было политическим заключённым. Всё, что тогда мы знали, это сведения, почерпнутые из коротенькой биографической справки, предпосланной к «Одному дню Ивана Денисовича» в «Роман-газете»: «В феврале 1945 года в звании капитана был арестован по необоснованному политическому обвинению. Приговорён к восьми годам заключения, отбыл их полностью, затем отправлен в ссылку, от которой освобождён в 1956 году после XX съезда партии. В 1957 году реабилитирован. С момента освобождения из лагеря все годы, вплоть до 1962, работает в школе преподавателем математики и физики». Где же всё-таки отбывал он наказание и ссылку — оставалось загадкой.

Упоминание Солженицыным имени Хищука побудило меня снова заглянуть в повесть «Один день Ивана Денисовича», и чем я боль-

Александр Солженицын – заключённый Щ-282, 1953 г.

ше в неё вчитывался, тем очевиднее вписывалась жизнь зека Щ-854 в хорошо знакомые реалии лагеря в Экибастузе. Как же я раньше не обратил внимание на то, что один день Ивана Денисовича проходит на строительстве ТЭЦ? А ведь именно в то время здесь начали возводить теплоэлектростанцию, приспособленную для выработки дешёвой электроэнергии из малокалорийного местного угля, запасы которого были неисчислимы, а добывать его предстояло открытым способом, не требующим больших затрат. Или вот ещё штрих: чтобы закрыть дыры в помещении, где предстояло работать зекам, они тайком «прихватизируют» толь, предназначенный для будущего сборного жилья. Так весь Соцгород, который тоже упоминается в повести, тогда состоял из так называемых финских домиков! Наконец, разговор о буранах. В павлодарской степи разыгрывается порой метель такой силы, что можно лечь против ветра на воздух и не упасть.

Мне вспомнились аккуратные, как по солдатской шеренге выстроенные бараки, плац, на котором копошились зеки — рано утром перед отправкой на работу и вечером, когда возвращались «домой». Их было хорошо видно из нашей гостиницы для специалистов, стоявшей на пригорке. Бараки и плац были обнесены двойной колючей проволокой, а на вышках бдили часовые. Когда начинало темнеть, включались прожекторы, и их ослепительный свет захватывал и гостиницу. Чтобы заснуть, первое время без привычки приходилось закрывать чем-нибудь лицо.

Мне доводилось бывать на строительных площадках, непременно обнесённых колючей проволокой, с вышками для вохровцев. На каждом новом объекте зекам самим для себя приходилось прежде всего ставить ограду и сторожевые вышки, колупая зимой мёрзлую землю под столбы, самим для себя натягивать колючую проволоку, что считалось злейшим наказанием. При том что согреться было негде и нечем — и об этом Иван Денисович, к слову, размышляет перед утренним разводом.

Может быть, среди тех, кто таскал раствор, клал в стену кирпич на ТЭЦ или на будущем доме культуры, да и мало ещё где, вкалывал зек Щ-854. Вступать в разговор с заключёнными, меня предупредили, запрещалось. Да и о чём было спрашивать у людей с отнятыми

именами! И так было всё понятно по погасшим глазам и изнурённому виду. Сопровождал меня обычно какой-нибудь лейтенантик, который задавал заключённым один и тот же вопрос: «Жалобы есть?» — «Нет, гражданин начальник, жалоб нет!» — заучено отвечали заключённые. Менялись объекты, которые я посещал, менялись лейтенантики, а вопрос был один и тот же — видимо, мои «гиды» были хорошо проинструктированы, как держаться с журналистом. Тем более что был я у начальства стройки под подозрением, не вынюхиваю ли чего... С первых же дней пребывания в Экибастузе я заметил за собой негласную слежку. Да и мой сосед по койке в гостинице для специалистов, когда мы с ним по какому-то случаю крепко поддали, признался, что его расспрашивали: не высказываю ли я каких-то критических замечаний по поводу местных дел, особенно в адрес начальства.

А у руководителей Экибастузской стройки были все основания подозревать во мне соглядатая, присланного собирать на них компромат. Ведь меня отправили сюда собственным корреспондентом газеты «Большевистский путь» после того, как сначала на отчётном партийном собрании, а затем на бюро Павлодарского обкома партии и в областной газете Каращуку и Хищуку, этаким руководящим вельможам, вообразившим себя полновластными хозяевами Экибастуза, всыпали по первое число за упущения в работе и зажим критики, что по тем временам считалось серьёзным партийным преступлением. Особенно сильно отхлестал их «Большевистский путь», и было за что! Держали они себя, как удельные князьки, распоряжаясь судьбами людей, словно своими вассалами: захочу — возвышу и премирую, захочу — выгоню. При том зазнались они до того, что забыли о святом правиле партийной иерархии: независимо от любой высокой должности коммунист прежде всего подотчётен местным партийным органам. А они, считая себя посланцами Москвы, держались до наглости независимо, пренебрегая отношениями с обкомом партии. Вот и щёлкнули вельмож союзного значения по носу, чтобы не забывались…

О грандиозных перспективах Экибастуза, где дешёвый уголь будет на месте перерабатываться в дешёвую же электроэнергию и передаваться по проводам по Казахстану и в Сибирь, газета уже не раз трезвонила. У читателей завязла в зубах и легенда о происхождении Экибастуза (по-казахски это слово означает «два куска соли»).

На первых порах выручил шагающий экскаватор ЭШ-3,4 (это объём ковша). Чудо советской строительной техники производило вскрышные работы: зачерпнёт землю и отбросит далеко в сторону — стрела у экскаватора была длиннющей и в степи возникли как бы териконы из породы. Воспел я это чудо-юдо в своих газетных реляциях. А о чём писать дальше? Не мог же я порадовать читателей сообщением, что, став на трудовую вахту в честь выборов в Верховный Совет республики, скажем, каменщик Щ-854 выполнил полторы нормы выработки? Зеки вкалывали ради дополнительного ломтя хлеба, а не из советского энтузиазма.

При первой же возможности — под предлогом отметить майские праздники и День печати в кругу журналистов на открытой платформе, закутавшись в одеяло, так как ночью мороз покрывал ещё инеем всё вокруг, я удрал из Экибастуза, чтобы больше туда не возвращаться, а вскоре вообще уехал и из Павлодара.

У меня до сих пор хранится «Один день Ивана Денисовича» в «Роман-газете» с портретом Александра Исаевича на обложке. Тираж по нынешним временам был немыслимый — 700 тысяч экземпляров! Судьба книги поначалу складывалась более чем благополучно — её даже выдвинули на Ленинскую премию, поскольку повесть увидела свет с благословения Хрущева, ибо подтверждала его правоту, когда он на XX съезде партии разоблачил культ личности Сталина и репрессии против народа. Однако подхалимы перестарались, выставив книгу на столь престижную литературную награду. Этим не преминули воспользоваться силы противодействия, и, несмотря на самую высокую поддержку, номинация не прошла. А через несколько лет скинули Хрущева, и недобитые сталинисты сделали всё, чтобы не будоражить народ воспоминаниями о кровавых сталинских злодеяниях: на тему репрессий в печати, в кино, в театре было наложено табу. Так что следующие книги Александра Солженицына — «В круге первом» и «Раковый корпус» мы читали уже в «подпольных» изданиях.

У него были ключи от детских сердец

После лагеря Солженицын был отправлен в ссылку на вечное поселение. Так предписывалось политическим. А куда? В «Раковом корпусе» упоминается аул Уш-Терек, откуда в Ташкент на лечение приезжает Костоглотов, а также река Чу, которая, между прочим,

никуда не впадает, исчезая в песках. Наконец, возвращаясь после выписки из больницы домой, Костоглотов просит продать билет до станции Хантау, откуда ему ближе, чем со станции Чу, добираться до Уш-Терека. Глянув на карту, нетрудно было представить, где отбывал ссылку Солженицын. Понятно, Уш-Терека на ней нет. Зато ближайшим от Хантау райцентром в те годы являлся Берлик. Не он ли выведен в романе под другим названием? И не там ли учительствовал Солженицын? Вопросов было больше, чем ответов.

И вот мне повезло: по счастливой случайности мне досталась газета «Ленинская смена» от 10 января 1965 года с материалом чимкентского журналиста Юрия Кунгурцева* «Солженицын в Казахстане» с фотографией Исаича в кругу выпускников школы. Повезло, потому что этот номер газеты был изъят из всех библиотек.

Как же набрёл журналист на золотую жилу? Об этом он рассказал в своей книге «По высокой траве — берега». Однажды во время одной из своих командировок он заглянул в редакцию газеты «Чуйская долина». Там зашёл разговор о Солженицыне, и кто-то сказал, что он учительствовал в этих краях — в ауле Берлик. Сработало профессиональное журналистское чутьё, и Юрий Кунгурцев отправился в Берлик, хотя редакционным заданием такая поездка и тема не предусматривались.

Не в пример формировавшемуся уже тогда отрицательному «общественному» мнению о Солженицыне, в Берлике вспоминали его очень сердечно. Принимал Александра Исаевича на работу исполнявший обязанности заведующего районным отделом народного образования Зейнегаты Сарымбетов, впоследствии директор средней школы имени Кирова, куда он и направил учительствовать Александра Исаича. Из осторожных ответов гостя Сарымбетов понял, что посетитель оказался в Кок-Терекском районе не по своей воле. Принимая ссыльного на работу в школу, он шёл на известный риск, так как его могли заподозрить в сочувствии к политзаключенному, на ком стояла печать врага родины: культ личности Сталина и его репрессии ещё не были осуждены.

«У меня было такое чувство, что если я не помогу этому человеку, попавшему в беду, меня всю жизнь будет мучить совесть», — признался в разговоре с журналистом Зейнегаты Сарымбетов.

Правда, у него был веский довод в пользу того, что «политический» принят на работу в школу — в районе катастрофически не

хватало учителей математики и физики. И Сарымбетов не прогадал: несмотря на многолетний перерыв, Солженицын продемонстрировал прекрасное знание материала и талант педагога и быстро завоевал уважение и в педагогическом коллективе, и среди учеников.

Фридия Ивановна Черноусова, учитель немецкого языка, например, рассказала: «Покорял он своей эрудицией, удивлял знанием немецкого языка. Когда я узнала, что Исаевич стал писателем, очень удивилась. Зря это он сделал, его призвание — педагогика. Он умел подбирать ключи к сердцу любого ребенка».

Память о своём учителе сохранили и бывшие ученики, посвятившие себя впоследствии трудной профессии педагога. Среди них оказался Ульмес Баяубаев, преподававший историю в той же школе, в которой учился у Солженицына. Он тоже поделился своими воспоминаниями об Александре Исаевиче:

«Раньше я не мог понять причину всеобщей привязанности к Александру Исаевичу. Просто мне и моим однокашникам было хорошо, интересно с ним. Сейчас я понял секрет его обаяния. Он никогда не высказывал превосходства взрослого человека, обременённого житейским опытом, держался с нами как с равными. И мне кажется, в общении с нами он находил радость».

В Берликской средней школе Солженицын проработал с 1953 по 1956 год, когда, после реабилитации, смог вернуться в Россию. Сначала в Берлике Александр Исаевич жил на квартире у Екатерины Мельничук. Семья её ютилась в мазанке, но в гостеприимстве бездомному учителю не отказала. Он пришёл с деревянным чемоданчиком. «Когда Яков, мужик мой, взял его, чтобы поставить на место, то удивился его весу. “Ого! Тяжелый какой! Золото, что ли?” — пошутил. “Нет, книги”, — отвечал новый жилец». И когда только он успел обзавестись ими? Солженицыну устроили лежак из тарных ящиков.

Вставал Александр Исаевич по лагерной привычке в 6 утра. В хорошую погоду уходил на прогулку далеко в степь. В дождь, особенно в распутицу, гулял возле дома. Лампа керосиновая горела на кухне допоздна — жилец что-то писал. Хозяева думали, что готовится к урокам. А, наверное, он уже тогда начал сочинять… Поднакопив денег, Солженицын купил себе мазанку на Пионерской улице, два окна выходили в степь, а точнее, здесь начиналась пустыня. Елизавета Ивановна Шмидт, высланная в Казахстан вместе с другими советскими немцами в 1941 году, рассказала, что вечерами у Сол-

женицына всегда было полным-полно ребят. Кто-то приходил за помощью, не сумев решить задачи или не поняв теоремы. Кому-то просто требовались дополнительные занятия, так как он поотстал в учёбе. У всех находился повод лишний раз пообщаться с любимым учителем. «Александр Исаевич, а он преподавал, помимо математики, и астрономию, изготовил макет купола звёздного неба. Когда под купол ставили лампу, чётко проступали созвездия с их названиями. Потом ребята их отыскивали на настоящем небе. Надо ли говорить, как ребята любили уроки такого учителя».

Любопытная деталь: Солженицын приехал в Берлик с фотоаппаратом и снимал всё, что казалось ему примечательным, особенно во время экскурсий с учащимися. Фотографию выпускного 10-го класса, сделанную в июне 1955 года, Ю. Кунгурцев включил в свою газетную статью, но воспроизвести её из-за низкого качества печати не представляется возможным… Интересно, сохранилось ли что-то из снимков тех лет у писателя: ведь ему пришлось налегке уезжать из родной страны изгнанником.

После знакомства с материалом Ю. Кунгурцева по-новому читается «Раковый корпус» — в его персонажах легко угадываются реальные лица. В романе прототип Солженицына — Костоглотов представлен землемером. Но автор в нескольких местах проговаривается, и становится очевидным его подлинная профессия: учитель. Например, когда Костоглотов предлагает Демке заниматься стереометрией, перед нами явно вычерчивается профессиональный урок. Или когда рассказывает анекдот о директоре школы, сорвавшем со стены картину Саврасова «Грачи прилетели», так как там изображена церковь, опять же возникает вопрос: откуда о таком факте мог знать человек, далёкий от школьных дел. Ну а рассуждения Костоглотова о Декарте, вряд ли входившие в круг интересов геодезиста, выдают автора с головой...

В книге упоминается десятиклассница Инна Штрем, занимавшаяся параллельно с учебой метеонаблюдениями. В ней нетрудно узнать Елизавету Ивановну Шмидт, преподавателя немецкого языка. Её выбор профессии педагога состоялся явно под влиянием Александра Исаевича. Это видно из её слов журналисту: «Я горжусь, что училась у Солженицына. Это был самый лучший, самый мой любимый учитель».

---

* Отдаю дань искренней признательности Юрию Кунгурцеву, без кого эта статья не состоялась бы. К великому сожалению, я не смог пригласить его в соавторы — он умер в 2003 году. Поэтому посвящаю эту публикацию его памяти.